

С.Г.Алленов

ОБРАЗ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДОГО ЙОЗЕФА ГЕББЕЛЬСА «Свет с Востока» (1918–1923 гг.)

Ключевые слова: Геббельс, Россия, Толстой, Достоевский, русофильство, социализм

«Европа — сплошная духовная проблема... В этой проблеме-Европе находится старая святая Россия, страна, к которой я, даже не зная ее, испытываю глубочайшее почтение... В русской почве зреет отгадка великой загадки-Европы. И только дух Великана Достоевского парит над тихой грезящей Россией. Когда Россия проснется, мир увидит новое чудо. Ex oriente lux».

Эту запись сделал 17 октября 1923 г. в только что начатом дневнике прозябавший в безвестности молодой немецкий литератор. Последующие страницы его дневника сохраняют немало подобных признаний, в том числе, например, и такое: «Вспыльчивая, неистовая, порывистая, бесконечная в терпении и вере, безграничная в добре и зле, полная жгучей страсти, добрая и нежная, фанатично преданная как лжи, так и правде, юная и непорочная, равно глубокая в радости и веселье, в боли и муке: такова душа, великая душа России!». Казалось бы, эти строки могли со временем претендовать на место в антологии самых восторженных отзывов, оставленных когда-либо иностранцами о России. Однако они так и не стали украшением германо-российского диалога культур. Сегодня наше восприятие этих пассажей определяется в конечном счете не их содержанием или эмоциональным накалом, но тем ошеломляющим фактом, что они вышли из-под пера человека по имени Пауль Йозеф Геббельс¹.

¹ См. Goebbels 2004: 30, 96 (зачитано от 17.10.1923 и 14.02.1924).

В самом деле, все, что известно о последующей судьбе Геббельса, поражает своей абсолютной несовместимостью со смыслом и тональностью рассыпанных по страницам его раннего дневника проникновенных слов о России. Впрочем, поразительно и само их наличие в тексте, повествующем о постепенном превращении его автора в патологического расиста, сподвижника Гитлера и идеолога национал-социализма. Менее чем через 10 лет Геббельс, так и не стяжав литературной славы, займет пост министра пропаганды в гитлеровском кабинете и войдет в историю как один из самых влиятельных вождей Третьего рейха. Его деятельность на этом поприще оставит особый след в исторической памяти россиян, поскольку созданный им аппарат обеспечит не только

стабильность нацистского режима, но и развязывание агрессии, принесшей нашей стране неисчислимые жертвы и страдания. В свете того, что мы знаем о Геббельсе, любое выражение им симпатий к России рискует быть сходу воспринято как нонсенс или чудовищная уловка, тем более что само имя этого человека стало навек нарицательным для обозначения бесстыдной лжи и виртуозного обмана.

Пожалуй, нельзя найти более адекватную оценку деятельности Геббельса, чем та, которую дал один из его первых биографов, заметивший, что ни одна виселица не будет достаточно крепка для того, чтобы выдержать тяжесть совершенных им преступлений, и что нет смысла выяснять, что именно в нем было плохого, поскольку плохо в нем было абсолютно все². В конечном счете это категорическое «все» должно включать в себя и тот восторг, который испытывал будущий нацист при чтении русских писателей, и его пиетет перед Россией. И, тем не менее, естественное отвращение к тому, что говорил и делал Геббельс в зрелые годы, вряд ли дает основания игнорировать надежды и ожидания, побудившие его в молодости начать свой дневник с обращенного к России призыва-заклинания «Ex oriente lux». Да и мог ли он сам предположить, какой мрачной насмешкой над ним обернется это прорицание спустя 20 лет, когда ему придется дописывать тот же дневник под всполохи приближавшейся с востока советской канонады? Так или иначе, проявления этого русофильства были достаточно яркими для того, чтобы осветить один из уголков внутреннего мира человека, который, не будучи рожден заведомым злодеем, еще только готовился вступить на путь, ведущий к мрачной славе одного из величайших преступников в истории человечества. Не исключено, что анализ этих манифестаций поможет если и не найти в них крупную яду, которым будет пропитана идеология нацизма, то хотя бы приблизиться к пониманию того, каким образом стало возможно их вырождение в пропаганду расово мотивированной ненависти.

Вместе с попыткой проследить процесс складывания и дальнейших мутаций русофильских воззрений Геббельса может наметиться и дополнительный ракурс рассмотрения общей эволюции тех представлений о России, которые имели хождение в немецком националистическом лагере в 1920—1930-е годы. Обычно в отечественной и зарубежной историографии принято подчеркивать преемственность сложившегося в нацистской пропаганде образа русского «недочеловека» с антирусскими клише, которые бытовали в Германии в более ранние времена³. Но, думается, для полноты картины стоит обратить внимание не только на усиление русофобии немецкого национализма по мере его перерождения в национал-социализм, но и на процесс избавления его от отнюдь не чуждого ему некогда русофильства⁴. Пройденный Геббельсом путь от фрустрированного эстета, видевшего в России оплот против идущего с Запада разложения, до национал-социалиста, стремившегося представить Германию последней защитницей Европы от русского «варварства», с предельной наглядностью демонстрирует взаимосвязь обеих

² Riess 1950: XVI.

³ См., напр. Volkmann (Hrsg.) 1994: 56ff; Koenen 2005: 323—436; Медведев 2009.

⁴ О русофильстве немецких консерваторов XIX — начала XX вв. см., напр. Jahn 1980; Koenen 2005.

⁵ См., напр. Дугин 1994: 12; Савин 2009: 64. Среди переведенных на русский язык исследований на данную тему см. Люкс 2000; Байсвангер 2004.

«Покажи мне свой книжный шкаф, и я скажу, кто ты»⁶

⁶ Goebbels 2004: 98 (запись от 18.02.1924).

⁷ Ранний дневник Геббельса за период с октября 1923 г. по ноябрь 1925 г. см. Goebbels 2004. См. также Goebbels 1987: 1—29.

⁸ Обстоятельный пересказ содержания неизданных пьес Геббельса с обилием иностранных цитат и выдержек из их текстов см. Орретманн 2005.

⁹ Goebbels 1929.

¹⁰ См. Reuth 1990: 41; Bärsch 1998: 182—183, 210—211.

¹¹ См. Goebbels 1929: 33. Этот пассаж повторен в повести устами ее героя, наряду с похвалой «вспыльчивой и неустойчивой» душе России.

¹² Goebbels 1926: 46.

тенденций. Забегая вперед, можно заметить, что в ходе этой личной эволюции сполна раскроется экспансионистский потенциал «восточной ориентации» немецкого революционного национализма, на комплиментарность которого по отношению к «русской идее» охотно ссылаются отечественные неофиты «консервативной революции»⁵.

Источники, позволяющие судить о восприятии России молодым Геббельсом, достаточно обильны и разнообразны. Прежде всего это материалы частного характера, которые включают в себя, наряду с его дневником, составленные летом 1924 г. и посвященные преимущественно студенческим годам наброски воспоминаний⁷. Отдельную группу источников образуют литературные опусы Геббельса, сочиненные им в тот ранний период жизни, когда он мечтал о славе писателя или хотя бы литературного критика. О росте его интереса к России, как и о постепенной политизации его русофильских взглядов, свидетельствуют в первую очередь написанные в 1919—1920 гг. неизданные драмы «Генрих Кэмпферт» и «Посев»⁸, а также начатая тогда же, законченная в 1924 г. и опубликованная в 1929 г. повесть под названием «Михаэль. Немецкая судьба на листках дневника»⁹. К этим сочинениям примыкает вступительная часть докторской диссертации, защищенной Геббельсом в ноябре 1921 г. и носившей литературоведческий характер¹⁰. Наконец, представление об эволюции сложившегося у Геббельса в молодости «русского образа» дают записи выступлений, с которыми он дебютировал в качестве нацистского агитатора, а также его статьи 1925—1926 гг. в националистических и национал-социалистических газетах и журналах.

Все эти тексты, имевшие различных адресатов и назначение, образуют единое смысловое пространство, поскольку для их автора в силу специфики его взглядов в конечном счете не существовало границ между литературой, политикой и личной сферой. Многие рассуждения Геббельса перетекали из его дневника в его же художественные, а затем и политические сочинения. И, наоборот, некоторые мысли, озвученные его литературными персонажами, впоследствии находили место в его частных записях. При этом он мог повторять их дословно в довольно длинных пассажах или переиначивать так, что они меняли свое звучание в зависимости от корректив и контекста, в который он их заново погружал. К числу таких «находок», удостоенных автором неоднократного применения, принадлежат строки о «тихой грезящей России» и парящим над ней духом «Великана Достоевского». Их можно встретить не только в дневнике Геббельса, но также и в опубликованном варианте повести «Михаэль»¹¹. В слегка измененном и договоренном виде заключительная фраза этого панегирика будет воспроизведена и в первом сборнике его политических статей: «Когда Россия окончательно прояснится, мир увидит национальное чудо»¹².

Таким образом, уже в первом дошедшем до нас пространным отзыве молодого Геббельса о России нетрудно услышать два взаимосвязанных мотива. С одной стороны, это чувство восхищения русской литературой, с другой — вытекавшая из него уверенность в некоем «национальном» предназначении страны, которая смогла эту литературу породить. О том, что эти представления сложились у него еще до того, как осенью 1923 г. он начал вести дневниковые записи, свидетельствует не только отточенный характер открывающих дневник русофильских высказываний, но и написанные по горячим следам «Страницы воспоминаний», освещающие предшествующий период его жизни. При всей своей скупости и отрывистости они тем не менее четко отражают основные вехи процесса приобщения Геббельса к русской литературе и не оставляют сомнений, что его русофильство выросло из сформировавшихся еще в студенческие годы литературных пристрастий.

Повествуя о своей учебе в 1917—1921 гг. в Боннском, Фрайбургском, Вюрцбургском, Мюнхенском и Гейдельбергском университетах, Геббельс рисует картину нужды и недоедания, безденежья и жизни в долг, постоянных переездов и поисков дешевого жилья. Эта череда личных невзгод воспроизведена им на фоне экономических, социальных и политических потрясений, постигших Германию в связи с войной и наступившей за ней революцией. Описанные здесь же отношения с приятелями, друзьями и сверстниками хотя и указывают на то, что молодой Геббельс не был чужд студенческих утех, оставляют ощущение безотрадности, поскольку перемежаются болезненным самокопанием и упоминаниями о частых нервных срывах. В целом гнетущее впечатление производит и история, похоже, единственной в его жизни большой любви, занимающая центральное место в воспоминаниях. Полная взаимных упреков и подозрений, бурных ссор и не менее драматичных примирений, она завершилась менее чем через три года окончательным разрывом. Кажется, что и учеба сама по себе, по крайней мере в начальный ее период, не доставляла будущему германисту-филологу особого удовольствия. Во всяком случае, самыми светлыми моментами его повествования выглядят заметки о посещениях театров, концертов и картинных галерей, но прежде всего — отзывы о прочитанных книгах. Их перечни впечатляют своим объемом и разнообразием. Они, а также сопровождающие их комментарии выдают в молодом Геббельсе человека, с головой погруженного в мир книг и, возможно, только в нем чувствовавшего себя комфортно.

Согласно тем же воспоминаниям, русская литература попала в круг чтения Геббельса в период его учебы в Вюрцбурге в конце 1918 или в самом начале 1919 г. К этому периоду относится его запись: «Чтение. Впервые Достоевский. Потрясает. „Преступление и наказание“. Читаю ночами»¹³. Отныне Геббельс будет находить самые лестные эпитеты для произведений русского гения сначала в своих воспоминаниях, а затем и в продолжившем их дневнике.

¹³ *Goebbels 1987: 10.*

**«Я потому
так почитаю
Достоевского,
что он поэт
и пророк»¹⁴**

¹⁴ *Goebbels 2004: 32*
(запись от
17.10.1923).

¹⁵ *Подробнее*
см. Koenen 1998:
763—774.

¹⁶ *См., напр. Mann*
1961: 429—430.
Один из лучших
знатоков этого
явления Т. Камп-
манн также счи-
тал неоспоримым,
что «прийти к
русскому Достоев-
скому мир сможет
только через не-
мецкого Достоев-
ского» (Kampmann
1931: 217). Под-
робнее о восприя-
тии творчества
Достоевского не-
мецкоязычными
авторами см. Дуд-
кин 1978; Фрид-
лендер 1978.

¹⁷ *См., напр.*
Koenen 1998: 763,
769.

¹⁸ *Moeller van den*
Bruck 1933b: 43.

¹⁹ *Kampmann 1931:*
218—219.

К сожалению, бумаги Геббельса не содержат прямого ответа на вопрос, что именно подтолкнуло его взять в руки томик Достоевского и чем захватила его эта книга в то время, когда Германия находилась в потрясении от только что понесенного военного поражения и уже начавшейся революции. Запойное чтение русского романа может показаться тем более странным занятием для будущего нациста, если учесть, что в те самые дни рождалось движение, от имени которого он вскоре начнет вещать о насущных проблемах кипевшей политическими страстями страны. И все же ни это знакомство с Достоевским, ни вызванный им шок не выглядят чем-то необычным на фоне повального увлечения русским гением, охватившего Германию в послевоенные годы и вряд ли ускользнувшего от внимания одержимого литературой студента-филолога. Тем более что в данном случае речь шла не просто о моде, но о ярчайшем проявлении установившегося в немецких читательских кругах еще в предвоенный период и лишь ненадолго прерванного августом 1914 г. культа русской литературы. В начальный период Веймарской республики этот культ сосредоточился в основном вокруг Достоевского и вылился в настолько жадный интерес к его творчеству, что сами немцы называли это явление «горячкой», «манией» или — на русский манер — «немецкой достоевщиной». О его размахе свидетельствует уже то, что только в 1918—1924 гг. там огромными тиражами вышли в свет четыре полных собрания сочинений писателя, 22 сборника произведений и около 120 изданий отдельных романов, причем некоторые из них публиковались сразу в нескольких местах и в разных переводах¹⁵. В это же время десятки немецких авторов, единодушно отмечавших в своих литературоведческих статьях подлинно русскую природу Достоевского, настаивали на том, что его творчество принадлежит всему человечеству или, напротив, может быть по-настоящему понято лишь в Германии¹⁶. Так или иначе, современные исследователи имеют все основания утверждать, что ни один иностранный и даже немецкий автор, за исключением разве что Ф. Ницше, не пользовался в этой стране в 1920-е годы такой популярностью, как Достоевский, и что нигде за пределами России эта популярность не была так велика¹⁷.

Причины столь мощного резонанса, который вызвало в Германии в один из самых роковых моментов ее истории творчество давно скончавшегося русского писателя, требуют специального рассмотрения. Оставляя в стороне филологические аспекты данного феномена, заметим только, что он включал в себя весьма созвучные немецкой злобе дня социальные, национальные и религиозные мотивы. О том, насколько востребованным оказалось здесь наследие Достоевского, могут свидетельствовать признания А. Мёллера ван ден Брука, увидевшего в этом авторе «поэта нашей эпохи» и провидца «наших нынешних потрясений»¹⁸, или Т. Кампманна, верившего, что Достоевский явил немцам «отправной пункт, с которого начнется преодоление их смуты и исцеление их болезни»¹⁹. Но, пожалуй, еще красноречивее в этом плане звучали призывы тех же популяризаторов Достоевского не ожидать от него «последнего

ответа на все немецкие вопросы» и не полагаться всецело на его идеи, но воспользоваться ими как путеводной звездой в поиске «собственной немецкой идеи» и «новой почвы под ногами»²⁰.

²⁰ См. *Ibid.*: 219; *Praxmarer 1923*: 172.

В той или иной форме эти восторженные оценки Достоевского и выдававшие не меньший пиетет предостережения против абсолютизации его наследия найдут свое место в частных записях и в художественных текстах молодого Геббельса. Уже одно это характеризует неудавшегося литератора как во многом типичного адепта «немецкой достоевщины». Однако его последующая политическая карьера заставляет обратить особое внимание на два момента, которыми был отмечен культ Достоевского в Германии и которые найдут своеобразное преломление в политическом мировоззрении будущего пропагандиста национал-социализма.

Во-первых, немецкий отклик на творчество Достоевского был в немалой степени обусловлен интересом к социалистическим преобразованиям в России и попытками понять их смысл, исходя из воплощенных в произведениях писателя представлений о пресловутой русской душе²¹. И хотя этот интерес был далеко не единственной причиной почитания русского классика, он, безусловно, подталкивал к знакомству с ним его будущих поклонников, как тех, кто горел желанием «сделать как в России», так и тех, кто стремился любой ценой не допустить повторения в Германии подобных событий. В случае с обращением к Достоевскому пока еще не примкнувшего к тому или другому лагерю начинающего литератора Геббельса эти мотивы поначалу могли и не играть существенной роли. Однако его воспоминания указывают на пережитый им в то время острый духовный конфликт, который был во многом связан с сотрясавшими Германию социальными бедами. Судя по тем же воспоминаниям, а также дневникам и пьесам Геббельса, «русский» вариант если не политического, то этического разрешения в принципе схожих проблем начал пленять его воображение тотчас после знакомства с Достоевским. Собственно, и к самому русскому писателю он, как и многие его современники, обращался в те годы именно в поиске нравственных координат для осмысления немецких социальных коллизий.

²¹ *О связи восприятия Достоевского в Веймарской Германии с романтической идеализацией «русской души»* см. *Hielscher 1998*: 238—239. *Насколько серьезно отнеслись в Германии к утверждению Т. Масарика, что «изучение Достоевского открывает нам душу современного русского человека»*, см. *Praxmarer 1923*: 21.

Другой аспект немецкого восприятия Достоевского, безусловно облегчивший доступ к его наследию будущего нацистского пропагандиста, заключается в том, что своей популярностью в Германии русский классик был в огромной мере обязан таким глашатаям «революционного консерватизма», как О. Шпенглер, Т. Манн и Мёллер ван ден Брук. К каждому из этих авторов Геббельс успел испытать в молодости почтение, вызванное не только их литературным или культурно-философским творчеством, но и тем вкладом, который они внесли в развитие «нового» немецкого национализма. И хотя этот пиетет не помешает ему позднее, будучи уже имперским министром, организовать травлю Манна и Шпенглера и обречь Мёллера на посмертное забвение, у каждого из них он мог позаимствовать толику своих первоначальных представле-

ний не только об их общем кумире, но и о русской литературе и России в целом.

Как будет видно из дневника Геббельса, в свои молодые годы он, вслед за Манном, поверит в продолжающий жить в России дух «Великана Достоевского», роднящий ее с Германией. Он, как и Манн, увидит в этом родстве залог будущего союза двух стран в их противостоянии «бездуховному» романскому и англосаксонскому миру. И если Манн в разгар первой мировой войны ратовал за «примирение и соединение» Германии с борющейся на стороне Антанты Россией²², то Геббельс уже в мирное время станет не менее пылко выступать против сближения Германии с Западом и за все тот же германо-русский альянс²³. Подобно Шпенглеру, открывшему в мистике Достоевского проблеск новой религиозной культуры грядущего тысячелетия²⁴, молодой Геббельс обнаружит в его романах истоки «новой христианской веры», которую Россия явит «со всем ее молодым пылом, со всей ее детской доверчивостью, со всем ее религиозным рвением и фанатизмом»²⁵. Наконец, рассуждения Геббельса о полной противоречий русской душе и ее воплощении в творчестве Достоевского, о духовном превосходстве России над Западом и ее спасительной миссии в мире будут звучать в унисон с мыслями, высказанными до него популяризатором русского классика и издателем первого большого собрания его сочинений в Германии Мёллером ван ден Бруком²⁶.

Пожалуй, главное, в чем молодой Геббельс был солидарен с Мёллером, заключалось в вере в пророческий смысл послания Достоевского, которой этот вдохновитель «немецкой достоевщины» и «консервативной революции» смог заразить целое поколение своих соотечественников. Для Мёллера с его консервативно-романтическими представлениями о круговороте времен не подлежало сомнению, что «смысл сегодняшней и завтрашней жизни» является лишь «повторенным смыслом жизни, прожитой вчера и позавчера». Вера в незыблемость экзистенциальных основ вкупе с расхожим представлением об укорененности русской литературы «в первобытных и природных состояниях человечества» позволяла ему видеть в ней и «самую патриархальную, и самую современную из всех литератур»²⁷. Именно «патриархальность» русской классики питала уверенность Мёллера в том, что она в состоянии «дальше всего проникать в круги тех времен, которые открываются нам лишь сегодня». Отсюда же вытекала его убежденность в способности Достоевского как «центрального гения» этой литературы к «предельно четкой постановке проблем», встававших на Западе в начале XX в. пока лишь в «неявном и неотчетливом виде»²⁸.

Увлеченный в принципе схожей идеей о том, что в России Достоевского кроется «прошлое и будущее» Германии и всей Европы, молодой Геббельс отнюдь не стремился составить внятное представление о русском настоящем. Упорно игнорируя политические реалии большевистского режима, он писал о вздыбленной революцией России как о стране, уже приступившей к пусть и подспудному претворению заветов

²² См., напр. Mann 1961: 433.

²³ См., напр. Goebbels 2004: 34, 183, 366 (записи от 18.10.1923, 30.07.1924 и 16.10.1925).

²⁴ См., напр. Spengler 1963: 45; Шпенглер 1999: 250.

²⁵ Goebbels 2004: 155 (запись от 27.06.1924).

²⁶ Подробнее см. Schwierskott 1962; Kaltenbrunner 1969; Garstka 1998.

²⁷ Moeller van den Bruck 1933b: 184—185.

²⁸ Moeller van den Bruck 1933c: 185; 1933a: 34.

²⁹ См. Goebbels 2004: 30 (запись от 17.10.1923). Это утверждение созвучно высказанной Шпенглером годом ранее мысли, что все происходящее в России изменения суть не более чем «рябь на воде», под которой зреет новая великая религия будущего (см. Kocka-pek 1968: 257). Правда, если Шпенглер пытался таким образом примирить свою культурфилософскую концепцию с реальностью, то Геббельсу эта реальность была в то время, скорее всего, безразлична.

³⁰ Goebbels 2004: 99 (запись от 20.02.1924).

³¹ См. Hielscher 1998: 238.

³² Ibid.: 239.

³³ Moeller van den Bruck 1933b: 44.

Достоевского. Идущая полным ходом чудовищная ломка устоев русской жизни была для Геббельса лишь «мыльной пеной», скрывающей до поры таинство преображения, которое свершается в ее недрах с тем, чтобы принести духовное исцеление миру²⁹. Сам же русский гений предстал при этом в роли проводника в грядущее, которое он предвосхитил, а может быть, и предначертал в своем творчестве: «Достоевский все еще на несколько смелых шагов впереди нашего времени. Мы следуем за ним — робко, колеблясь, сомневаясь, но идем, он нас не отпускает, и мы должны двигаться следом»³⁰.

Очевидно, что в данном случае речь шла не просто о сходстве читательских откликов Геббельса и его именитых земляков на книги популярного автора, но об общности представлений, имевших единую мировоззренческую основу и выходявших за рамки чистой литературы. Для Геббельса, как и для Мёллера, Шпенглера, Манна и многих других властителей немецких дум, Достоевский являлся не просто выдающимся беллетристом, но пророком упадка западной цивилизации и прихода ей на смену нового мира³¹. Страстная проповедь русского патриота, направленная против европейского либерализма и западничества, оказалась через полвека особенно востребованной именно в крайне правых националистических кругах Германии, не пожелавших смириться с победой «внешнего» Запада в мировой войне и Запада «внутреннего» — в буржуазно-демократической революции. Немецкие правые могли рассматривать Достоевского как своего предтечу не только в политическом противостоянии с либеральной Европой, но и в отторжении самих духовных основ западной цивилизации. Казалось, мир его произведений как нельзя лучше вписывается в культурную атмосферу послевоенной Германии, отмеченную упадком позитивистского и материалистического мышления, ростом иррационализма и антиинтеллектуализма, всеобщим интересом ко всему «мистическому» и «метафизическому», «почвенническому» и «органическому», «первобытному» и «стихийному». Все эти идеологемы служили мировоззренческой основой для развития антидемократических и националистических течений, которые в конечном итоге мостили национал-социализму дорогу к власти³².

В этой ситуации сходство отзывов молодого Геббельса о Достоевском с соответствующими высказываниями представителей старшего поколения немецких националистов не было результатом ни случайных совпадений, ни одних лишь осознанных заимствований. Скорее в этих панегириках были отражены мысли и настроения, которые буквально витали в воздухе послевоенной Германии. В стране, обуреваемой политическими страстями, от русского гения ждали ответов едва ли не на все насущные вопросы, в том числе при осмыслении «по-своему вечных» проблем «консерватизма и коммунизма, клерикализма, социализма и либерализма», вписанных им, как утверждал Мёллер, в контекст того времени, «в котором мы живем и в котором мы бьемся над их разрешением»³³. Когда к осмыслению этих проблем приступит будущий нацистский пропагандист, он станет искать у Достоевского подтверждение

своим идеям, как это делал до него застрельщик «консервативной революции». Однако прежде чем Геббельс заинтересуется политическими аспектами наследия любимого писателя, он обратится к той стороне его творчества, которая окажется созвучной его личным переживаниям, не связанным на первых порах с помыслами о тотальном изменении окружающего мира. Это будет, по словам того же Мёллера, проблематика «свободы и воли, власти и права, добра и зла», пропущенная Достоевским через «русский внутренний мир», а значит, выраженная с той «душшевною и человечностью, которые вообще только возможны»³⁴.

³⁴ *Moeller van den Bruck 1933c: 185.*

**«Нужна стальная,
жесткая, ничем
не сдерживаемая
беспощадность»**

Понять, какой след оставило в сознании Геббельса его первое знакомство с Достоевским, позволяет написанная им уже в феврале 1919 г. пьеса под говорящим названием «Генрих Кэмпферт» (от нем. *der Kampf* — борьба). В главном персонаже этой драмы нетрудно угадать героизированное alter ego ее автора, а в его судьбе — кальку с той ситуации, в которой во время ее написания находился сам Геббельс. Живущий, как и Геббельс, в непролазной нужде молодой немец Кэмпферт испытывает, как и он, ненависть к погрязшему в несправедливости миру. Оба — автор и его герой, — став студентами, мечтают о литературной славе, запоем читают и безуспешно пробуют силы в сочинительстве. И тот и другой, воспитанные в строгой католической вере, успели в ней разочароваться и порвать с церковью. Обстоятельства собственной жизни молодой Геббельс отразил и в истории несчастной любви Кэмпферта, отвергнутого как неровня богатой родней своей подруги. В конце концов, спасая свою гордость от угрозы новых унижений, тот кончает жизнь самоубийством, о котором и сам автор подумывал в студенческие годы³⁵.

³⁵ *См. Oppermann 2005: 57—59. Ср.: Goebbels 1987: 19—21; Reimann 1971: 22; Reuth 1990: 49; Longerich 2010: 32.*

При всей склонности Геббельса писать своих литературных героев с себя и при этом подчеркивать их типично «немецкую» долю, ключом к расшифровке его замысла о Кэмпферте является все же именно русский роман. Описывая житейскую неустроенность молодого немца и его аффектированный протест против ничтожности окружающего бытия, Геббельс воссоздавал обстоятельства не только собственной жизни, но и по-своему понятой драмы «Преступления и наказания». Его попытка примерить искания Раскольникова к судьбе персонажа своей пьесы венчается в ее заключительном акте пространными рассуждениями Кэмпферта о романе Достоевского. Перед тем как принять яд, он заявляет, что герою Достоевского — этому «почти гению» — нет нужды каяться в совершенных убийствах и что все его нравственные муки есть результат «неверно понятых движений собственной души»³⁶. Предлагая «правильную» версию этих терзаний, Кэмпферт утверждает, что Раскольникова ужасало не осознание вины, а мысль о том, что он не смог преодолеть сопротивление пошлой среды и до конца реализовать свою волю. По его мнению, единственным выходом из такой ситуации могла бы стать добровольная смерть, поскольку жизнь в осознании собствен-

³⁶ *Цит. по: Oppermann 2005: 65.*

ной посредственности — самая страшная мука для человека, подобного Раскольникову³⁷.

³⁷ *Ibid.*: 58ff, 65.

Заставив своего героя принять смерть вместо русского персонажа и сказать таким образом «последнее гордое слово», Геббельс ясно давал понять, что урок, усвоенный им из послания Достоевского, ни в коем случае не заключался в спасении собственной души путем утверждения в ней любви и стремления жить по законам Божеским и человеческим. Не оставляя на этот счет никаких сомнений, его Кэмпферт не просто померялся гордыней с Раскольниковым, оказавшимся недостаточно «сильной» личностью, но напоследок объявил, что будущему сверхчеловеку и господину мало одного лишь желания стать Наполеоном: ему нужна беспощадность, «стальная, жесткая, ничем не сдерживаемая беспощадность»³⁸.

³⁸ *Цит. по: Ibid.*: 65.

Апология произвола «сильного человека» и идеи «крови по совести» кажется в пьесе Геббельса особенно красноречивой ввиду его будущей карьеры и смерти, которая действительно станет «последним словом» власти, понятой как абсолютный и беспощадный произвол. Высказанную его героем убежденность в том, что поступки сверхчеловека нельзя оценивать мерками этой «подлой» жизни и что совершенное сверхчеловеком в силу «подлости жизни» преступление на самом деле таковым не является, можно посчитать своеобразной индульгенцией, которую будущий нацист выдал себе на свои последующие деяния. Но, даже полагая, что взгляды начинающего автора совпадали с позицией его персонажа, вопрос о том, насколько они были устоявшимися, стоит, пожалуй, оставить открытым. В репликах Кэмпферта могли звучать и отголоски поверхностного литературного нищезнания самого Геббельса, и нотки его юношеского резонерства, и его спонтанный отклик на знакомство с писателем, способным опасно искушать и более зрелые души. Но хотя роман Достоевского и подогрел именно те «книжные мечты» и «теоретическое раздражение сердца» молодого Геббельса, от которых хотел предостеречь своих читателей автор, вопрос о допустимости попраки моральных и религиозных устоев «неправильного» мира тогда еще не был решен им раз и навсегда. К безусловно положительному ответу на этот до поры весьма важный для него вопрос он придет не без поисков и сомнений, которые в немалой степени будут вызваны его дальнейшим знакомством с творчеством классиков русской литературы.

**«Социализм.
Только пока еще
тихо растущий...»**

Важным моментом в приобщении Геббельса к русской классике и складывании его «литературного» образа России стала увиденная им в конце 1919 г. в Мюнхенском театре постановка драмы Л.Н.Толстого «И свет во тьме светит». История помещика Николая Сарынцева, решившего отказаться от «неправедных» благ и начать жить «по совести», но встретившего непонимание и сопротивление со стороны своих близких, произвела на Геббельса, как он отметил в воспоминаниях, «неиз-

³⁹ *Goebbels 1987: 16.*

⁴⁰ *См. Kessler 2011.*

⁴¹ *См. Брянцева 2009.*

⁴² *См. Lew Tolstoi 2011.*

⁴³ *Goebbels 1987: 16.*

⁴⁴ *Lew Tolstoi 2011.*

⁴⁵ *Как писал в то время один из ведущих немецких театралов Ф.Люфт, именно к такому выводу вынужден был прийти вслед за Толстым и сам герой его пьесы (см. Ibidem). Ср.: «Исполнением заповедей Христа ни своей личной, ни общественной жизни, как доказал опыт Толстого, не построить» (Стенун 2000: 466).*

гладимое впечатление»³⁹. Надо заметить, что в своем восприятии пьесы молодой немецкий театрал был не одинок. В начале 1920-х годов немецкоязычная критика единодушно подчеркивала «глубоко революционный» и «поразительно актуальный» характер послания Толстого⁴⁰, видела в нем «драматическую увертюру» к мировым событиям, итоги которых невозможно предугадать⁴¹, и даже ставила его в ряд явлений, «изменивших ход развития человечества»⁴². Для самого же Геббельса знакомство с автобиографической пьесой русского автора было увертюрой к его собственной мировоззренческой эволюции, ход и последствия которой окажутся действительно непредсказуемыми. Сдвиг, произведенный ею в его сознании, он зафиксировал в короткой записи своих воспоминаний: «Социализм. Только пока еще тихо растущий. Социальное сочувствие. Экспрессионизм. Еще не очень явный и отчетливый»⁴³.

Отклик, который драма Толстого нашла у Геббельса, возможно, не был бы столь силен, если бы его встреча с писателем, слывшим, как и Достоевский, предтечей обновленного христианства, не пришлось на время болезненно переживавшегося им кризиса веры, впрочем, отнюдь не означавшего утраты религиозного сознания. Разочарование в ценностях вильгельмовской эпохи, неверие в способность новых немецких элит сгладить раздиравшие общество противоречия, презрение к католическим иерархам, благоденствующим на фоне людских страданий, — все это заставляло полунищего студента, как и многих его соотечественников, жадно вслушиваться в проповеди русского богоискателя, мечтавшего о религиозном решении жгучих социальных проблем. Воздействие пьесы Толстого на Геббельса могло быть тем более сильным ввиду того, что она поразительным образом перекликалась с потрясшим его незадолго до этого романом Достоевского. При всем внешнем несхождении этих произведений, судьбы их персонажей, каждый из которых по-своему восстал против царящей несправедливости, были наполнены общим смыслом, выраженным обоими авторами с предельной и жесткой откровенностью. В конечном итоге трагический опыт старика Сарынцева дополнял драму молодого Раскольников: самоотречение праведника, как и преступление жаждавшего правды «сверхчеловека», не смогло привести к гармонии с высшими ценностями ни собственную жизнь героя, ни окружающий его мир. Из этой дилеммы легко следовал вывод о том, что «христианство, понятое буквально, практически неосуществимо, как невозможно в этом мире и бескомпромиссное следование заповедям»⁴⁴. Именно этот тезис звучал в начале 1920-х годов в авторитетных и наверняка известных Геббельсу отзывах немецкой театральной критики о так и не дописанной Толстым истории русского барина-правдолюбца⁴⁵. Очевидную, в общем-то, мысль о невозможности полного примирения сущего с евангельскими представлениями о должном не раз с мрачным удовлетворением повторит в своем дневнике и будущий шеф нацистской пропаганды. Правда, в наиболее развернутом виде он сформулирует ее не в связи с пьесой Толстого, а в размышлениях

⁴⁶ См. Goebbels 2004: 41—42 (запись от 30.10.1923).

над прочитанным им позднее романом Достоевского «Идиот»⁴⁶. Что же касается проповеди личного покаяния и духовного самообновления, к которой оба русских автора, каждый по-своему, приходили в своих мучительных поисках правды и спасения, то ее их немецкий почитатель так и не услышал.

⁴⁷ Ibid.: 41.

В итоге один из первых и очень важных для Геббельса уроков, который он смог извлечь из религиозно-этических исканий гениев русской литературы, выльется в по-юношески максималистские сетования на то, что всякого, «кто захочет сегодня говорить и действовать в духе Христа, завтра же запрут в тюрьму или сумасшедший дом» и что «все это творится в мире, где христианство является, так сказать, государственной религией»⁴⁷. Эти сентенции послужат Геббельсу дополнительным поводом для и без того яростных нападок на «официальное» христианство, которыми пестрят его ранние тексты, а заодно, возможно, и санкцией на собственную моральную деградацию. Но прежде всего мысль о невозможности следования в наличном мире христианским заветам и ценностям придала новый импульс мечте резонерствующего бунтаря об «исправлении» окружающего мира и ревизии самих этих ценностей. Его мемуары дают основания полагать, что процесс радикализации его взглядов и постепенного вхождения в мир политики начался именно в тот момент, когда он, находясь под впечатлением от пьесы Толстого, открыл в себе побег от того, что сам назвал социализмом. И если скупое упоминание Геббельса о позыве к «социальному сочувствию» лишь подчеркивает аморфность его исходных представлений о социалистической проблематике, то последующие записи свидетельствуют о росте интереса к ней, как и к политической борьбе в целом. Дальнейший текст воспоминаний позволяет говорить о том, что этот процесс проходил в 1920—1923 гг. под влиянием не только окружавшей их автора действительности, но и интенсивных занятий литературой, в том числе и чтения уже полюбившихся ему русских писателей.

При всей отрывистости мемуаров Геббельса они не оставляют сомнений, что в начале 1920-х годов русская литература занимала все более важное место не только в круге его чтения, но и в жизни, основным смыслом которой оставалось все то же чтение. Так, уже с конца 1919 г. Толстой, как и Достоевский, прочно обосновался в длинных списках писателей, которых он читал и перечитывал в период своей учебы и после ее окончания. В одном лишь перечне за 1920 г. он упоминал эти русские имена наряду с Р.Демелем, Г.Гауптманом, В.Г.Вакенродером, Т.Манном, Г.Ибсенем, Ш.Георге, Г.Кайзером, А.Стриндбергом, И.В.Гёте, М.Метерлинком, Г.Э.Лессингом, М.Сервантесом, Ф.Ведеркиндом, Ф.Гёрдерлином, Й.Фишартом, П.Флемингом, Ф.Шпее, Ф.Логау, Г.Мейринком, Г.Клейстом и другими, в основном немецкоязычными, авторами⁴⁸. Уже зимой 1920 г. Геббельс познакомился в Мюнхене с «Войной и миром», а затем, во время весенних каникул, продолжил чтение романов Толстого и Достоевского в своем родном Рейдте. Описывая впечатление, оставленное их творчеством, он отметил: «Внутри

⁴⁸ См. Goebbels 1987: 16, 18.

- ⁴⁹ *Ibid.*: 17. меня революция»⁴⁹. Летом того же года в Гейдельберге он «проглотил», если верить тем же воспоминаниям, уже «всего Толстого»⁵⁰, а на осенних каникулах дома — «Братьев Карамазовых». На этот раз прочитанное отозвалось в нем нервным истощением и срывом, которые уложили его на несколько дней в постель⁵¹. В конце своих воспоминаний, повествуя о том, как он открыл для себя летом 1923 г. «Идиота» Достоевского, Геббельс прокомментировал это событие следующим образом: «Самое сильное впечатление... Во мне новая революция. Пессимизм по отношению ко всему»⁵².

- ⁵² *Ibid.*: 26. Подобных отзывов, свидетельствующих о вызванных чтением эмоциональных перегрузках и «переломах» в сознании, Геббельс упоминал в своих воспоминаниях лишь Шпенглера⁵³. Более того, проснувшийся у него зимой 1920 г. интерес к политике, связанный с борьбой рабочего класса и проблемами социализма, находил свое отражение не столько в описаниях немецких реалий, сколько в записях, смежных с упоминаниями о классиках русской литературы. Если учесть, что события прошлого выстраивались в его воспоминаниях не только в хронологическом порядке, но и по принципу ассоциативного ряда в той последовательности, в которой одно воспоминание влекло за собой другое, то связь политизации взглядов Геббельса с чтением Достоевского и Толстого кажется достаточно очевидной. Еще нагляднее об этом свидетельствует его ранний дневник, в котором отзывы о произведениях русских авторов перетекают в рассуждения о проблемах христианства или того, что он будет называть христианским социализмом. Таким образом, эти не предназначенные для посторонних глаз и лишь недавно опубликованные записи заставляют подвергнуть сомнению господствующий в историографии тезис о том, что Геббельса никогда не имел собственных убеждений и уж тем более социалистических взглядов⁵⁴.

⁵⁴ *Критический разбор этих представлений, унаследованных исторической наукой от антифашистской пропаганды, см. Höver 1992: 13ff, 20. Можно также согласиться с К.-Э.Бэршем, полагавшим, что Геббельс в молодости был искренен в своих убеждениях и было бы упрощением сводить высказывавшиеся им взгляды к одним лишь демагогическим уловкам (см. Bärsch 1995: 27ff, 206).*

**«Вы будете
удобрять
эти посевы
кровью!»**

⁵⁵ *См., напр. Reuth 1990: 47.*

Природа едва зародившегося и пока еще «тихо растущего» социализма Геббельса в общих чертах раскрывается в его очередном литературном опыте — написанной в марте 1920 г. драме «Посев». Среди биографов Геббельса принято полагать, что на ее создание молодого литератора вдохновили прокатившиеся по Рурской области революционные выступления немецкого пролетариата⁵⁵. Однако в воспоминаниях самого автора восстание в Руре и последовавший за ним ответный

белый террор перечисляются в ряду событий, случившихся уже после начала работы над драмой и вряд ли способных повлиять на ее первоначальный замысел. Зато те же воспоминания, рисующие атмосферу, в которой этот замысел вызревал, не оставляют сомнений, что накануне и в начале его воплощения мысли сочинителя были заняты Россией: «Усердно читаю. Толстой, Достоевский, революция во мне. Рихард вернулся из Фрайбурга. Россия. В считанные дни вынашиваю идею „Посева“ и вгрызаюсь в работу. Рихард в восторге»⁵⁶. Как видно, Геббельс в те дни не только запоем читал русских классиков, но и беседовал о России со своим однокашником и единственным близким другом Рихардом Флигесом. Упоминания об этом персонаже в воспоминаниях, художественной прозе и письмах, а затем в дневнике и даже политических текстах Геббельса свидетельствуют об огромном авторитете, которым пользовался у него этот, судя по сохранившимся отзывам, действительно яркий представитель немецкого «потерянного поколения». Те же источники, а также рассказы очевидцев их дружбы позволяют говорить о немалой роли Флигеса в пробуждении у Геббельса интереса к политике и с большой долей уверенности судить о конкретном содержании этого интереса. Герой войны, ставший пацифистом, рабочий из крестьян, интеллектуал-самоучка, отвергший «буржуазные» устои послевоенного мира, Флигес был страстным пропагандистом идей Маркса и Энгельса, поклонником Ленина и большевистской России, адептом «стихийного» христианства и мистики Достоевского⁵⁷. Вокруг этих тем вращались и его бесконечные беседы с Геббельсом⁵⁸. Если восторг, с которым Флигес встретил его новое сочинение, служит одним из подтверждений царившего между ними взаимопонимания, то сама пьеса дает представление о том, что именно вынес ее автор из общения со своим революционно настроенным другом и чтения любимой ими обоими русской литературы.

⁵⁶ *Goebbels 1987: 17.*

⁵⁷ *См. Riess 1950: 12, 14; Heiber 1962: 27; Reimann 1971: 25.*

⁵⁸ *См. Heiber 1962: 27; Reuth 1990: 41, 624.*

⁵⁹ *См. Oppermann 2005: 71.*

⁶⁰ *Цит. no: Ibid.: 74—75.*

Прежде всего характер источников, вдохновивших Геббельса на написание «Посева», проявился в смешении в этой драме религиозно-мессианских и революционно-социалистических мотивов. Главный герой пьесы с нарицательным именем Рабочий видит истоки царящего в мире зла в моральной деградации человечества и восстает против мистической, по сути, дьявольской власти «злата», порождающей безразличие людей к страданиям себе подобных⁵⁹. В его монологах, равно обращенных к угнетенным братьям и тем, кто «там наверху», явственно слышен евангельский мотив Спасения: «Быть человеком — значит не забывать о любви! Я стал человеком, и моя любовь простирается на все, что живет на земле. И вы тоже станете людьми, великой общностью братьев на этой земле. О, как прекрасны будут этот мир и этот новый людской род!»⁶⁰ Впрочем, эта мирная проповедь, звучащая в преддверии готовящейся забастовки, не исключает и насильственных методов достижения справедливости. Когда стачка начинается и раздаются выстрелы пришедших на помощь фабрикантам правительственных войск, Рабочий устремляется на баррикады. Смертельно раненый, он обраша-

ется к соратникам со словами, в которых звучат столь же революционные, сколь и апокалиптические ноты: «Меня не жалко. Сомкните ряды! У нас достаточно людей! Кровь рабочих никогда не иссякнет! Мы прилежно сеяли!.. Они хотят погубить посевы, поэтому вы должны бодрствовать. Будет тяжкое время перемен! Вы будете удобрять эти посевы кровью! Но в мире нет ничего, чем не смог бы пожертвовать человек!»⁶¹

⁶¹ Цит. по: *Ibid.*: 71.

Несмотря на то что пьеса Геббельса воспринимается как непосредственный отклик на реалии немецкой политической жизни, в ней все же слышен и «русский» мотив, который свидетельствует о том, что недавнее знакомство автора с драмой Толстого действительно не прошло бесследно. Переключка обоих произведений звучит уже в их названиях, отсылающих к евангельским символам слова Божьего, уподобленного в одном случае свету (Иоанн 1: 1–9), в другом — семени (Лука 8: 11), и подчеркивающих тем самым их проповеднический смысл. Во многом совпадает и поведение их главных героев: Рабочий Геббельса, как и помещик Толстого, почти дословно цитирует Библию, внушая окружающим истину любви и надежду на то, что ее осознание станет залогом их рождения к новой жизни. Вера в исцеляющую силу любви пробуждает в Рабочем, как и в герое русской пьесы, нового человека, утверждающего себя в самоотречении во имя ближнего и призванного служить примером духовно преображенного человечества.

Указанные сходства кажутся достаточными для того, чтобы услышать в проповедях Рабочего не просто «декларирование миссионерства», но ту же «попытку нахождения себя как личности в рамках евангельского текста», которая, как замечает современный исследователь творчества Толстого, двигала Сарынцевым⁶². И как бы ни понимал Евангелие сам автор «Посева», к нему, пожалуй, можно отнести и справедливое в отношении Толстого утверждение, что он ждал от зрителя «абсолютной вовлеченности, экзистенциальной включенности в собственный драматургический текст», подобной включенности его героя в текст евангельский⁶³. Во всяком случае, стремление начинающего драматурга преодолеть отстраненность публики и внушить ей чувство единения всех со всеми заставляет вспомнить если не о богоискательском пафосе произведений Толстого, то о «еще не очень явном» экспрессионизме, которым он, по его признанию, заразился от писателя, уже прослывшего «духовным учителем» данного направления⁶⁴.

Свидетельствами того, что именно знакомство с драмой Толстого послужило для Геббельса импульсом к написанию его пьесы, являются и некоторые другие, пусть и не столь существенные, но также вряд ли случайные созвучия обоих произведений. Это и приметно схожие сетования главных персонажей на безмерную жадность «верхов» и рабскую покорность «низов», и монологи их жен, одинаково упрекавших мужей в пренебрежении семейным благом ради блага общественного, и готовность лишь немногих молодых героев последовать их примеру. И все же для понимания взглядов молодого Геббельса и их последующей эволюции важнее не те моменты проповеди Толстого, которые он позаим-

⁶² См. Шульц 2003: 90.

⁶³ Там же.

⁶⁴ О вкладе русских писателей в становление экспрессионизма и о «чрезвычайной близости» Толстого этому направлению см. Гюбнер 1923: 55; Михайловский 1930: стлб. 531. Начало дискуссии о наличии «фашистского» потенциала в идейном багаже экспрессионистов см. Лукас 1931 (русский перевод — Лукач 1933). Об экспрессионистских мотивах в литературном творчестве Геббельса см. Varrett 2001.

ствовал для своей пьесы, а как раз те, которые он опустил или, напротив, домыслил, тем самым придав ей противоположный конечный смысл.

Прежде всего, может показаться, что немецкий Рабочий более тверд в желании обустроить жизнь в соответствии с евангельскими заповедями, чем мятущийся русский интеллигент. На самом же деле его стремление во что бы то ни стало претворить заповеди здесь и сейчас не просто оказывается заведомо тщетным, но ведет прочь от евангельского идеала. Автор «Посева» не скрывал, что в основе решимости его героя лежало неверие в обещания посмертного воздаяния, якобы служащие, как он не раз заявлял, лишь оправданию несправедливости в посюстороннем мире⁶⁵. Однако без веры в жизнь вечную проповедь всеобщей любви становится не более чем средством преодолеть социальное отчуждение ради людского сплочения в общность, свободную от эксцессов неравенства и эгоизма. И если Толстой, отчаявшись в надежде улучшить мир благими делами, оставлял читателю лучик надежды на бесконечное личное совершенствование в жизни для Бога, то его немецкий эпигон, по сути, звал публику к немедленному коллективному спасению в рукотворном земном раю. Трудно судить, насколько осознанно он перешел при этом от начальной оды всеобщему братству к финальной апологии кровавых жертв, но сама эта подмена выглядит логичным следствием того состояния его веры, которое вполне можно назвать ересью человекобожия.

⁶⁵ См. *Oppermann* 2005: 61, 76.

Первый подступ к литературному воплощению своих религиозных исканий Геббельс сделал в написанной им еще в 1918 г. стихотворной драме «Иуда Искариот», в которой оправдывал предательство Иуды его разочарованием в Христе, не пожелавшем стать царем евреев и даровать им свободу, а также намерением самому исполнить эту миссию. Деятельный, горящий любовью к людям Иуда здесь прямо противопоставлен «безвольному» Христу с его проповедью Царства, которое не от мира сего⁶⁶. По сути, те же мотивы — от отрицания надежд на загробное спасение до жажды утверждения счастья на преображенной земле — молодой драматург попытался выразить и в «Посеве». Здесь эти дерзкие идеи, окрашенные все тем же восторгом перед бунтарским порывом героя-одиночки, сливались с идеей социального «сочувствия» и протеста, перерастая в революционную утопию пронизанной всеобщей любовью социальной общности. Однако любовь без сопричастности Богу на небесах, которую Геббельс взялся проповедовать во имя людского единения на земле, заведомо не обладает необходимой для этого силой, как не ведет к данной цели и принесенная однажды крестная жертва. Видимо, поэтому залогом «нового рождения» людей к коллективной жизни в его утопии становились уже не прощение и покаяние, но искупительная и связующая сила их собственной крови.

⁶⁶ *Ibid.* 2005: 49—55.

Таким образом, в своем литературном отклике на проповедь Толстого Геббельс, как и в случае с Достоевским, развил не мысли русского богоискателя, а скорее позаимствованную у богоборца Ницше и

⁶⁷ Цит. по: Michel 1999: 47. В своих частных записях молодой Геббельс упоминал о «пылавшем в его душе огне Прометей» и о некоей «прометеевой проблеме», которая, как можно понять, заключалась в его собственном соперничестве с Богом и в осознанном стремлении самому занять его место (см., напр. Goebbels 1987: 18, 25, 28).

⁶⁸ См., напр. Goebbels 2004: 41, 88, 121, 155 (записи от 30.10.1923, 6.02.1924, 10.04.1924 и 27.06.1924).

⁶⁹ «Ничто не бесценно настолько, чтобы не быть принесенным в жертву свободе!» — один из «девизов недели» НСДАП, провозглашенный на срок с 16.01.1944 по 22.01.1944. (см. Archives s.a.).

⁷⁰ Goebbels 1987: 17.

⁷¹ Цит. по: Oppermann 2005: 70.

⁷² Goebbels 2004: 290 (запись от 4.04.1925).

по-своему понятую идею сверхчеловека. Его «новый человек», взявший на себя выполнение нечеловеческой миссии построения Царства Божия, оказывался в силу своего кровавого причащения если не равным Богу, то сопричастным ему в своем земном бытии. О том, насколько далеко заходил в своих поисках Бога сам Геббельс, можно судить по написанной им в канун Рождества 1919 г. стихотворной «Ночной молитве», в которой он обращался к «Господу Триединому» с такими словами: «Дай мне топор, и я разнесу в щепки / Твой райский садик, / И я покажу человечеству / Дорогу к новому счастью... / И дай мне, о жалкий Боже, / Снизойти в Твой ад. / Я безмерно хочу / Неба на Земле, / И хочу проклинать Тебя в вечности...»⁶⁷. Претензии несостоявшегося пастора на роль земного мессии звучали и позже, например в его надеждах на скорое преображение и достижение божьего совершенства, которыми он делился с дневником в то время, когда превращался во все более активного участника национал-социалистического движения⁶⁸.

Спустя несколько лет, став одним из вождей НСДАП и готовя свой «Посев» к постановке в партийном театре, Геббельс подчеркнет сокровенный смысл этой пьесы в ее уточненном названии — «Кровавый посев», а уже во время военной жатвы переиначит призыв ее героя к кровавым жертвам в один из лозунгов нацистской пропаганды⁶⁹. Впрочем, о том, что его жажда людской гармонии с самого начала могла диктоваться отнюдь не только любовью к ближнему, свидетельствуют и наброски другого произведения под названием «Труд» (первоначально «Борьба рабочего класса»), которое он взялся писать за считанные дни до «Посева». Общую тональность этой неоконченной пьесы, которую сам сочинитель называл «социалистической»⁷⁰, передает один из монологов ее героя: «Но я хочу ненавидеть... и я ненавижу всех, кто желает отнять у меня то, что мне принадлежит, потому что это мне даровал сам Бог... Да, я умею ненавидеть и не хочу потерять эту способность. О, как это прекрасно — уметь ненавидеть!»⁷¹ Эту полную страсти похвалу ненависти автор, тогда еще простой студент, произносил, как он смело полагал, от имени всех немецких рабочих. Вскоре, уже в качестве нацистского трибуна, начавшего пропагандистскую битву за рабочую аудиторию Германии, он признается себе и своему дневнику: «Девяносто процентов немецкого пролетариата есть всего лишь куча дерьма. Зачем я борюсь? Из сострадания? Нет, потому что должен повиноваться демону, который внутри меня»⁷².

* * *

Страшная память, которую оставит по себе политическая деятельность Геббельса, дает более чем достаточно оснований искать ее подоплеку в переполнявшей его в молодости и уже прорывавшейся на страницы его ранних литературных текстов ненависти. Действительно, задним числом легко заметить, что многократно обыгранный фрустрированным графоманом мотив «крови по совести» звучал прелюдией

к тем людоедским призывам, с которыми он, став нацистским пропагандистом, обратится сначала к своим соратникам по партии, а затем и ко всему немецкому народу. Но все же в поисках объяснения карьеры Геббельса стоит обратить внимание и на то, что его юношеские декларации о праве презревшего мир сверхчеловека на «суровую жестокость» в какие-то моменты не исключали и сочувствия к «маленькому человеку», которое родилось из собственного опыта полуничего существования и чтения русских писателей. Этот факт, как и сам интерес Геббельса к их религиозным исканиям, позволяет предположить, что в основе преемственности его литературных потуг и политической пропаганды лежали не элементарные деструктивные порывы, а скорее то «устремленные мысли и воли», которое было описано С.Ф. Франком под названием ереси утопизма⁷³.

⁷³ Франк 1994: 126.

Именно такое искажение религиозной истины выдающийся философ видел в демонизме того «безграничного властолюбия, не считающегося... с самыми элементарными нравственными законами», которое уже не раз наблюдалось в истории. В то же время Франк полагал, что истоком данного явления способна послужить воля, «руководимая не личной корыстью или похотью, а нравственным мотивом любви к людям, стремлением спасти их от страданий и неправды и утвердить праведный порядок жизни». Беда, однако, в том, что и эта в основе своей благая воля может, «сочетаясь с безмерностью и дерзновенным своеволием, оказаться волей безумной и в своем безумии выродиться в волю преступную и гибельную»⁷⁴. В процессе утверждения «абсолютной божьей правды на земле» замысел человека, дерзновенно взявшего на себя осуществление этой миссии, «неизбежно превращается в дело убийства... в уничтожение самой жизни и тем самым всякой возможности ее морального совершенствования»⁷⁵.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же: 127.

В случае с молодым Геббельсом такой первоначально благой в своей основе волей мог быть его смутный социалистический порыв, явившийся откликом на по-своему понятые им религиозно-этические и социально-нравственные искания Достоевского и Толстого. В сочетании с «безмерностью и дерзновенным своеволием», родившимися из столь же своеобразно понятого идейного наследия Ницше, этот «социализм» превратится в конце концов в ту адскую смесь, которая и станет идеологической начинкой геббельсовской пропаганды.

К сожалению, беглые воспоминания Геббельса о событиях 1920—1923 гг. дают лишь приблизительное представление как о сути тех потрясений, которыми вновь и вновь отзывались в его сознании книги русских гениев, так и о конкретном влиянии прочитанного на складывание его политической идеологии. Зато эти пробелы с лихвой восполнит оконченная Геббельсом весной 1924 г. автобиографическая повесть «Михаэль», в которой он, подводя итог собственной молодости, постарается дать развернутое изложение своего отношения к жизни, политике и литературе. Простор для анализа его мировоззрения откроет и заведенный им осенью 1923 г. пространный дневник, начало которого

также содержит своего рода срез сложившихся у него к тому времени взглядов. Эти источники позволяют заметить, что политические воззрения Геббельса были в то время ближе к идеям Э.Никиша и его национал-большевистского окружения, чем Гитлера или Розенберга. Еще дальше от нацистских взглядов отстояли его представления о России, которые вплоть до 1925 г. в принципе не расходились с русофильскими веяниями, весьма распространенными в стане немецких революционных националистов. Однако те же источники показывают, что пик увлечения Геббельса русской литературой и его симпатий к России пришелся как раз на тот переломный момент его жизни, когда он готовился сделать решающий шаг к превращению в фанатичного антисемита и стопроцентного национал-социалиста. Именно в этот момент будущий нацистский преступник вступит на путь, в конце которого он встретится с настоящей Россией, той, что не будет иметь ничего общего ни с литературными грезами его молодости, ни с русофобскими вымыслами инспирированной им пропаганды.

Библиография

- Байсвангер** М. 2004. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийства»: точки соприкосновения // *Консерватизм в России и мире*. Ч. III. — Воронеж.
- Брянцева** Д. 2009. *Шлендорф поставил Толстого и разогнал комаров* (<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4578223,00.html>).
- Гюбнер** Ф.М. 1923. Экспрессионизм в Германии // *Экспрессионизм*. — Пг., М.
- Дугин** А. 1994. *Консервативная революция*. — М.
- Дудкин** В.В. 1978. Достоевский в немецкой критике (1882—1925) // *Достоевский в зарубежных литературах*. — Л.
- Лукач** Г. 1933. Величие и падение экспрессионизма // *Литературный критик*. № 2.
- Люкс** Л. 2000. «Третий путь», или Назад в Третий рейх? // *Вопросы философии*. № 5.
- Медведев** С.А. 2009. О формировании образа России в Германии накануне Великой Отечественной войны // *Вестник ВГУ*. Сер.: История, политология, социология. № 1.
- Михайловский** Б. 1930. Экспрессионистская драма // *Литературная энциклопедия*. Т. 3. — М.
- Савин** Л. 2009. Артур Мёллер Ван ден Брук и младоконсервативная революция в Германии // *Русское время. Журнал консервативной мысли*. № 1.
- Степун** Ф.А. 2000. Религиозная трагедия Льва Толстого // *Л.Н.Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология*. — СПб.
- Франк** С.Л. 1994. Ересь утопизма // *Социологические исследования*. № 1.

- Фридендер** Г.М. 1978. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. // *Достоевский в зарубежных литературах*. — Л.
- Шпенглер** О. 1999. *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы*. — Минск.
- Шульц** С.А. 2003. Духовная архетипика драмы Л.Толстого «И свет во тьме светит» // *Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания*. Вып. 20. — Воронеж.
- Archives** nationales du Grand-Duché de Luxembourg / Section contemporaine / 2e Guerre Mondiale, 1940—1945 / WO-CdZ-4-3 (<http://query.an.etat.lu/query43/detail.aspx?ID=337925>).
- Barnett** D. 2001. Joseph Goebbels: Expressionist Dramatist as Nazi Minister of Culture // *New Theatre Quarterly*. Vol. 17. № 2.
- Bärsch** C.-E. 1995. *Der Junge Goebbels. Erlösung und Vernichtung*. — München.
- Bärsch** C.-E. 1998. *Die politische Religion des Nationalsozialismus. Die religiöse Dimension der NS-Ideologie in den Schriften von Dietrich Eckart, Joseph Goebbels, Alfred Rosenberg und Adolf Hitler*. — München.
- Fröhlich** E. 2008. Einleitung zur Gesamtausgabe // *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* / Hrsg. von E.Fröhlich. Teil III. Register 1923—1945. Sachregister A-G. — München u.a.
- Garstka** Ch. 1998. *Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906—1919*. — Frankfurt a.M.
- Goebbels** J. 1926. Das russische Problem // Goebbels J. *Die zweite Revolution. Briefe an Zeitgenossen*. — Zwickau (Sa.).
- Goebbels** J. 1929. *Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern*. — München.
- Goebbels** J. 1987. Tagebuch für Joseph Goebbels (Erinnerungsblätter) von 1897 (Geburtsjahr) bis Oktober 1923 (geschrieben Juli 1924) // *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente*. Hrsg. von E.Fröhlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. Teil I. Aufzeichnungen 1924—1941. Band 1. 27.06.1924 — 31.12.1930. — München.
- Goebbels** J. 2004. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* / Hrsg. von E.Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1923—1941. Band I/I. Oktober 1923 — November 1925. — München u.a.
- Heiber** H. 1962. *Joseph Goebbels*. — Berlin.
- Hielscher** K. 1998. Dostojewskijs antiwestliche Zivilisationskritik und die deutsche Konservative Revolution // *Polyfunktion und Metaparodie. Aufsätze zum 175. Geburtstag F.M. Dostojewskijs*. — Dresden.
- Höver** U. 1992. *Joseph Goebbels: Ein nationaler Sozialist*. — Bonn.
- Jahn** P. 1980. *Russophilie und Konservatismus. Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831—1852*. — Stuttgart.
- Kaltenbrunner** G.-K. 1969. Von Dostojewski zum Dritten Reich. Artur Moeller van den Bruck und die «Konservative Revolution» // *Politische*

Studien. Zweimonatsschrift für Zeitgeschichte und Politik. Heft 184. 20 Jg. März/April.

Kampmann T. 1931. *Dostoewski in Deutschland.* — Münster in Westf.

Kessler H. 2011. Tagebücher 1918—1937 (Berlin. 3. Februar 1919. Montag) // *Spiegel Online Kultur / Projekt Gutenberg-de* (<http://gutenberg.spiegel.de/autor/975>).

Koenen G. 1998. Bilder mythischer Meister. Zur Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland nach Weltkrieg und Revolution // Koenen G. von, Kopelev L. (Hrsg.) *Deutschland und die Russische Revolution. 1917—1924.* — München.

Koenen G. 2005. *Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900—1945.* — München.

Koktanek A.M. 1968. *Oswald Spengler in seiner Zeit.* — München.

Lev Tolstoi: Und das Licht scheint in der Finsternis. 2011 // *Stiftung Schloss Neuhausen* (<http://www.leo-tolstoy.eu/index.php>).

Longerich P. 2010. *Goebbels. Biographie.* — München.

Lukacs G. 1931. Grosse und Verfall des Expressionismus // *Internationalliteratur. Deutsche Blätter.* № 3.

Mann Th. 1961. *Betrachtungen eines Unpolitischen.* — Berlin.

Michel K. 1999. *Vom Poeten zum Demagogen. Die schriftstellerischen Versuche Joseph Goebbels.* — Köln.

Moeller van den Bruck A. 1933a. Die russische Dichtung // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland.* — Berlin.

Moeller van den Bruck A. 1933b. Warum Dostojewski? // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland.* — Berlin.

Moeller van den Bruck A. 1933c. Rußland, der Westen und wir // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland.* — Berlin.

Oppermann J. 2005. *Das Drama «Der Wanderer» von Joseph Goebbels: Frühformen nationalsozialistischer Literatur. Dissertazion zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie von der Fakultät für Geistes- und Sozialwissenschaften der Universität Karlsruhe.* — Karlsruhe.

Praxmarer K. 1923. *Idee und Wirklichkeit. Dostojewskij, Rußland und wir.* — Berlin.

Reimann V. 1971. *Dr. Joseph Goebbels.* — Wien.

Reuth R.G. 1990. *Goebbels.* — München.

Riess C. 1950. *Joseph Goebbels. Eine Biographie.* — Baden-Baden.

Schwierskott H.-J. 1962. *Artur Moeller van den Bruck und die Anfänge des Jungkonservatismus in der Weimarer Republik. Eine Studie über Geschichte und Ideologie des revolutionären Nationalismus.* — Göttingen.

Spengler O. 1963. *Briefe: 1913—1936.* — München.

Volkman H.-E. von. (Hrsg.) 1994. *Das Russlandbild im Dritten Reich.* — Weimar.